

Александр
ВОРОНИН

г. Петрозаводск

Не плачь, дочка!

Был уже почти день, когда Андрей Семенов проснулся. Все было очень славно, только легкое одеяло сбилося в ногах, и Семенов расправил его, поддавая пододеяльник поднятыми ногами.

Спальню вертикальной плоскостью делило надвое солнце, сочащееся в щель между шторами, и Семенов несколько минут лежал, блаженно созерцая, как в солнечном свете плывут, кружатся, кувыркаются пылинки. Это чем-то напоминало мелькание ночных насекомых в луче проектора в летнем кинотеатре.

Вдруг Семенов озадачился: откуда столько пыли, когда в комнате регулярно делается уборка? Ах, да, он ведь сам считай только что выбил одеяло. К тому же пыль, наверное, вечна, как вселенная.

Полежав еще немного, Семенов выбрался из постели с энтузиазмом хорошо выспавшегося человека, потянулся и понял, что делать утреннюю зарядку он не будет. Прав был герой шпионских романов Богомила Райнова Эмиль Боев, считая зарядку подвигом. Если уж крутой болгарский, пусть и книжный, разведчик не

находил возможности совершать подвиги каждый день, то рядовому гражданину России это и подавно не по силам. Однако Семенов все-таки махнул несколько раз руками, два раза присел и отправился в ванную. Почистив зубы и умывшись, он потрогал подбородок и решил, что бритье, как и зарядка, может подождать. Конечно, легкая щетина не придавала его лицу дополнительной привлекательности, но и не портила. Пока не портила.

Прежде чем завтракать, по мобильнику позвонил жене в школу, и они несколько минут говорили ни о чем, точнее о предстоящем завтраке Семенова, предстоящем ремонте кухни и прогнозе погоды на воскресенье. Наконец жена заойкала в трубку, мол, нужно готовиться к уроку, и супруги послали друг другу прощальные поцелуи.

Семенов пришел в более чем отличное расположение духа. Вообще и в частности. В частности — от разговора с любимой женщиной, вообще — из-за наступивших выходных. Это же благодать какая — проснуться когда захочешь и никуда не спешить. Он улыбнулся во

весь рот и пошел выполнять инструкции жены относительно пищи.

Уже были съедены тефтели и Семенов допивал кофе, когда хлопнула входная дверь, а спустя пару мгновений в кухню вошла дочь. По ее виду Семенов понял: случилось что-то из ряда вон. Ирина в свои двенадцать лет была не из плаксивых, но сейчас в ее глазах стояли слезы и она была растеряна.

— Что произошло, милая? Тебя кто-то обидел? — спросил Семенов встревоженно.

— Понимаешь, папа, там хомячка выкинули в мусорный бак. Вместе с ящиком. Мальчишка один из первого подъезда. Я ему говорю, зачем ты его сюда? А он говорит, мне мама сказала выкинуть. А он ведь живой!

— Кто, мальчик?

— Да нет, хомячок! Он там умрет!

Семенов понимающе вздохнул и задумался. Субботний день только начался, и Семенову не хотелось абсолютно никаких проблем, тем более таких, которые его ни с какого боку не касаются. Если бы он проходил мимо мусорных баков в тот момент, когда выбрасывали хомяка, ему бы в таком умиротворенном состоянии и в голову бы не пришло вмешаться: уж коль жизнь привела животное к трагическому финалу, то что тут поделаешь? Может быть, хомяк болен какой-нибудь заразной болезнью. Может, восстал против своего хомячьего бога. Может, коварно вонзил зубёнки в руку дающую. Да мало ли что?! Рок не карает просто так. Плюнуть бы и сказать строго: «Ира, это не наше дело! Иди гуляй и не мешай папе отдыхать, не порть настроение!»

С другой стороны, они с женой старались воспитывать дочку в любви к миру во всем его многообразии, будь то архитектурные изыски великих зодчих, горные ландшафты или живая природа. И не потому, что были очень уж продвинутыми родителями, а по причине общей и немного абстрактной незлобивости. Они верили, что позитивное отношение к окружающей действительности есть краеугольный камень жизни без бед. К тому же Семенов, невзирая на то что совдепия давно канула в Лету, считал себя представителем советской интеллигенции, воспитанной на традициях шестидесятников.

Усилия не пропадали даром: в изостудии их дочь рисует преимущественно лошадей и клеит в специальный альбом фотооткрытки разных животных. А Иннокентий, живущий в клетке на шифоньере, уделяет Ирине львиную долю внимания, используя ее плечо в качестве насеста, и не гнушается вставлять в свою попугайскую тарабарщину ее слова: «Кеша хороший. Доброе утро. Давай поцелуемся».

— Ну что ты, доча, сразу страсти такие рисуешь? Почему обязательно «умрет»? — осторожно спросил Семенов, присев на корточки возле подпирющей холодильник дочери и еще не зная, как себя держать, чтобы и люди были сыты, и хомячки целы.

— Потому что его бросили. Навсегда!

Семенов с сожалением понял, что она права. Естественно, не с его, а со своей наивно-тепличной точки зрения, которую наверняка бы разделили все люди, постигающие жизненную философию у экранов телевизоров. То есть большинство. Ему от этого даже стало немного стыдно.

Еще он сообразил, что если сейчас ошибется, то доверие дочери к нему даст ощутимую трещину. Очень часто дети, шадя родительские чувства, не рассказывают о том, что их пугает, не делятся своими заботами и проблемами. Ирина же пока, тьфу-тьфу-тьфу, рассказывала почти все, что ее беспокоит, а это заметно упрощало над ней контроль и сулило в будущем меньше головной боли, особенно когда обострятся закидоны переходного возраста. Интуитивно Семенов понял, что необходимо перевести внимание дочери на что-то другое, но ни в коем случае не стоит спускать собак на мать-и-мальчика.

— А почему же ты его не подобрала? Почему оставила там, а сама прибежала ко мне и льешь слезы? — с нотками легкого осуждения спросил Семенов.

Ирина от обиды сморщила нос, готовая разревется по-настоящему:

— Я не плачу, папа. Я совсем не плачу.

— Ты хочешь, чтобы я тебя пожалел за то, что тебе жалко хомячка? Хорошо, я тебя пожалею, но ему от этого легче не станет.

— Папа, я хотела его взять, но...

— Что «но», Ирочка? Что «но»? Люди часто го-

ворят «но», вместо того чтобы совершить поступок, когда не находят в себе мужества поступить так, как подсказывает им совесть. А ты у меня пусть еще не взрослая, но уже большая девочка, и мне неприятно, что ты пытаешься мне что-то объяснить, ничего еще не сделав. Тебе надо было взять этого хомячка, принести домой, а потом уже рассказывать мне, почему ты не могла поступить иначе. Я уверен, что понял бы тебя и поддержал, когда пришлось бы объясняться с мамой. Сначала должен быть поступок, Ириша, а лишь потом слова, если в них возникнет необходимость. А сейчас ты больше похожа на того мальчика, чем на мою дочь. Ладно, утри слезы и тащи животное сюда.

Ирина шмыгнула носом, посмотрела на отца исподлобья, но с благодарностью, и мигом отправилась в спасательную экспедицию.

Семенов был доволен собой. Вот как надо воспитывать в подрастающем поколении гражданское мужество и способность к действию. Нужно просто достаточно напористо говорить правильные вещи, а это он умеет.

Но при этом где-то в глубине сознания стала зудеть какая-то мысль. Еще не оформившаяся, но уже причиняющая беспокойство. Он не мог ее ухватить и поэтому отмахнулся.

Вскоре, стоя над посылочным ящиком, в котором суетился спасенный, но не ведающий о том хомячок, отец и дочь рассуждали, чем его следует кормить, чтобы хомяку было не только вкусно, но и полезно. Их познания в этой области оставляли желать лучшего, и Семенову пришлось в голову призвать на помощь жену, хотя он сомневался, что она внесет в проблему ясность. Откуда учителю математики знать нюансы рациона грызунов?

Ее урок еще не начался, и она ответила на звонок.

— Хомяк? — возмутилась жена. — Он же воючий!

— Это хорек воючий, дорогая. Ты их путаешь, а они совсем разные.

— Да знаю я, знаю. Просто пошутила. Так в чем проблемы?

— Да понимаешь, надо бы его покормить, а чем?

— Папа, смотри, что в Интернете написано, — закричала из своей комнаты дочь.

— Погоди, родная, сейчас я тебе прочитаю, что ему можно есть, — сказал Семенов, подходя к дочери и склоняясь к монитору компьютера.

— А мне-то это зачем? — удивилась жена.

— Ну как же? Будешь идти с работы и купишь еды животному. Слушай, хомячки неприхотливы в еде. Вы можете смело давать своему питомцу почти все, что едите сами. Главное, соблюдайте правило: пища должна быть разнообразной.

— Андрюш, с тобой все в порядке?

— А что?

— Я тебе говорила, что у меня после обеда еще два урока. Хомяк к тому времени околеет от голода. Самим-то слабо в магазин сбегать?

— Точно! — озадаченно подтвердил Семенов.

— Конечно, самим не слабо. Чего это я сам не догадался.

— Почему-то я не удивляюсь. Хотя ладно. Куплю ему моркови. Кстати, она нам и самим нужна. И чего-нибудь еще, на свой вкус. Но к грызуну и близко не подойду. Пока.

«Подойдешь, еще как подойдешь, не мне же с ним возиться», — мудро пообещал Семенов, давая отбой.

— Что мама сказала? — поинтересовалась Ирина.

— Что купит ему морковки.

— Вот здорово, и мы его покормим.

— Нет, мы его раньше покормим. Пошли в магазин.

* * *

Дочь стояла возле обители хомячка и неотрывно смотрела, как тот бежит вдоль стенок, непрерывно нюхая воздух и периодически становясь на задние лапы, чтобы передними проверить, насколько высока стена, отгородившая его от мира. Семенов обнял дочку сзади, и они в четыре глаза, словно слившись в единое целое, стали наблюдать за хомячком.

И вот тут-то Семенов понял, какая мысль стала зудеть где-то в подсознании, когда он отчитал своего ребенка за то, что сразу не забрала хомяка домой. Это была мысль о его двуличности. Он говорил дочери правильные слова, до конца не разделяя их. Точнее, его

внешнее, общественное, сознание было полнотой согласно, потому что именно так и нужно поступать всем хорошим людям, однако внутреннее, личное отношение к ситуации было почти противоположным. Другими словами, он обманул и, похоже, потому что его отношение к появлению в доме животного не поменялось, продолжал обманывать дочь.

Ему стало противно от самого себя. Эта ложь не была бытовой, легкой, повседневной, когда из-за желания не причинять лишнего беспокойства близким людям чего-то не договариваешь, что-то искажаешь. Как, допустим, заявляешь, рассадив локоть, что тебе не больно, а если больно, то совсем чуть-чуть. Это была какая-то основополагающая ложь, грозящая подточить основы самого мироустройства — его единство с дочерью.

«Да что же я за урод такой, — подумал Семенов. — Мне надо посмотреть на все Иришкиными глазами». Но сам непроизвольно попробовал найти хоть какой-то аргумент в свою пользу:

— А может, он больной и поэтому его выбросили?

— Что ты, папа, посмотри, какой он... — Ирина запнулась, подбирая слово.

Семенов понял, что она хотела сказать — «он такой славный!» — и крепко прижал ее к себе, сигнализируя, что суть уловил и продолжать необязательно. Она ответила тем, что сжала пальчиками его запястья. В этот момент Семенов ощутил свою персональную значимость в мире, и ему стало приятно от того, что они поступили именно так.

Тамара Семенова вернулась с работы почти на час позже, чем обычно, и сразу прошла на кухню, где разгрузила сумку с продуктами. Тут же, как порыв ветра, ворвалась Ирина:

— Мамуля, ты принесла морковки?

— Конечно, красавица, я же обещала. А вы разве не купили?

— Мы купили остальное, а морковку ты обещала купить. Дай ее мне скорей!

Тамара выбрала в купленном у частников пучке небольшую морковину и аккуратно отсекла ботву.

— Только помой сначала.

— Так это же не мне. Я хомячка кормить буду.

— Чистота — залог здоровья, — авторитетно заявила Тамара дочь и хотела добавить что-то еще в этом роде, но Ирины уже и след простыл.

— Ты сегодня поздно, кормилица, — сказал появившийся в дверях Семенов и нежно поцеловал жену в щеку.

— Полрынка обошла. А потом маршрутку пришлось ждать. Чем занимался, баловник? — Семенов в этот момент прикоснулся губами к мочке уха.

— Газеты за прошлые недели просмотрел, можешь теперь использовать в своих важных домашних делах. Ужин, я полагаю, задерживается?

— Почему же? Сейчас переоденусь и что-нибудь быстренько приготовлю.

— Пойдем, я тебя провожу.

Полуобнявшись, они пошли в спальню.

— Мама, посмотри, как он смешно ест! — перехватила их в прихожей Ирина.

— А и правда, не желаешь познакомиться с новым членом семьи? — поддержал Семенов.

Тамара неопределенно хмыкнула и вошла в зал.

— И надолго это? — спросила она. Чтобы налюбоваться грызуном, ей хватило нескольких секунд.

Ирина недоуменно посмотрела на нее, а Семенов, тайно обрадовавшись, что жена не в восторге, как недавно и он, с некоторым торжеством сказал:

— Навсегда!

— Тогда надо его как-то назвать, — рассудила Тамара, — а то он будет чувствовать себя ущемленным. В общем, думайте, мои дорогие, а я пошла ужин готовить.

— Что тут думать? — встрепенулся Семенов. — Хомяк он и есть хомяк, в узком кругу — Хома.

— Хома, Хома, Хомочка, — забормотала Ирина.

— Отныне нарекаем тебя Хомой, что уж с тобой поделаешь, живи, — обреченно провозгласила Тамара и вдруг широко улыбнулась.

— Вот и состоялось крещение, — подвел итог Семенов, удивляясь, как иной раз у женщин легко получается принять то, что им было только что не по нраву.

Тамара, словно прочитав его мысли, хитро сощурилась и ткнула пальцем в бок:

— Уж раз бог любит троицу, то кто будет третьим в нашем зоопарке?

— Собака! — у Ирины заблестели глаза. — Давайте купим собачку!

— Ладно-ладно, — покровительственно сказал Семенов, увлекая жену из зала, — это мы обсудим потом, а сейчас наши желудки требуют пищи. Пойдем, родная, я тебе помогу.

Ужин почтил своим присутствием Иннокентий, забавный волнистый попугайчик. Он разгуливал по столу, предлагал поцеловаться и воровал из тарелок. В общем, питался чем бог послал. В данном случае два бога, один из двух больших и маленький. Семенов Кеше не давал ничего, имея на то веские основания — ел Кеша неопрятно. Все, что оказывалось у него в клюве, усиленно измельчалось, однако в глотку попадала лишь небольшая часть пищи. Остальное вываливалось и либо прилипало с обеих сторон к клюву, образуя уродливые гроздья, либо падало на стол. Короче, Кеша ел как свинья.

В отличие от жены и дочери, которые умилялись попугаем, чего бы тот ни сотворил, Семенов терпеть не мог эту безмозглую птицу. Поэтому он быстро расправился со своей немалой порцией жареной картошки и салатом, отказался от чая и встал из-за стола. Уж чего-чего, а каяться из-за нелюбви к попугаю он не собирался. И лжи тут не было. Вся семья знала об их трудных отношениях.

Что-то потянуло Семенова к хомячку, и, вместо того чтобы принять в спальне горизонтальное положение и открыть какой-нибудь детектив, он присел на корточки перед посылочным ящиком. Хома продолжал суетиться. Семенов побаивался его длинных резцов, но, умиротворенный ужином, смело взял хомячка в руки. Подержав его, словно только что слепленный снежок, он оставил хомяка на левой ладони. Хомячок умылся, смешно усевшись на задок, и пустился осваивать новую территорию. Его нос двигался, не зная устали, отчего усы забавно шевелились. Розовые лапки с маленькими «пальчиками» напоминали человеческие руки, а коготки немного щеко-тали кожу.

Обойдя всю ладонь и через каждый шаг све-

шиваясь вниз в попытках вытянутой лапкой нащупать какую-нибудь опору, хомячок определил единственно верное направление и направился по предплечью к локтю Семенова. Семенов, недолго думая, загородил пешеходную дорожку забором правой ладони. Хомячок воспринял преграду философски и тут же стал ее преодолевать. Семенов вновь посадил его на ладонь. Хомячок незамедлительно отправился в путь к локтю Семенова. Семенов, дождавшись, когда путешественник почти добрался до места назначения, вновь посадил его на ладонь. Хомячок в тот же миг вновь отправился в путь. Так продолжалось несколько раз, пока Семенов не устал. «Ишь ты, — подумал он, — занят своим делом, а на остальное плевать. Есть кто-то рядом или нет, главное — вперед! Не пищит, внимания к себе не требует, целеустремлен до безумия. Ну, брат, ты мне нравишься, не то что эта идиотская птица».

В знак симпатии Семенов пустил хомяка побегать по тахте. Тот быстро ознакомился с предоставленным в пользование пространством, не нашел ничего интересного и у боковой спинки попытался спуститься по свешивающемуся покрывалу на пол. Причем носом вниз, тормозя всеми четырьмя лапками. «Нет, малыш, лучше не пытайся, здесь для тебя высокогато». Однако хомячок продолжал медленно сползать вниз. И вдруг сорвался.

— Папа, держи его, — вскрикнула незаметно подошедшая и наблюдавшая за эквилибристикой хомячка Ирина.

Семенов вздрогнул и потерял несколько мгновений. Хомячок упал мягко, как шерстяной клубок, и, воспользовавшись секундным замешательством Семенова, скрылся под тахтой.

— Ну вот, где его теперь искать? — пригорюнилась дочка. — Здесь столько всего понаставлено.

Комната действительно была сверх меры загромождена досками, обоями, банками, небольшими плитами ДСП: Семенов второй год готовился к ремонту кухни.

— Ничего, доча, пусть немного побегает. Ему ведь скучно весь день в ящике сидеть, как в тюрьме. А будем спать ложиться, поймем и вернем на место.

В этот момент по кабельному телевидению началась вторая серия «Унесенных ветром», и Семенов, забыв обо всем, погрузился в перипетии сюжета. Тамара, убрав со стола, присоединилась к нему и позвала дочь. Ирина не отреагировала. Она упорно искала хомячка в зале, когда ей почти повезло, тот улизнул в прихожую и пропал окончательно. Двери во все комнаты были открыты, так что у беглеца было много вариантов для маневра.

Когда пришло время ложиться спать, хомячок не объявился. Его искали по всем углам до тех пор, пока Семенов не принял волевое решение:

— Все! Утро вечера мудренее. Хома за ночь никуда не денется. Я убедился, что он человек серьезный и самостоятельный. Наверняка уже нашел теплое местечко и дрыхнет без задних ног. А утром он сам выползет, голод не тетка. Кстати, и нам давно пора баиньки.

На том и пожелали друг другу спокойной ночи.

Как ни странно, после того как они с женой отзанимались любовью, Семенов не смог сразу уснуть. Он мыслил о минувшем дне как о дне, прожитом не напрасно, вспоминал хомячка, сравнивал его с попугаем и проникался к грызуну все большей симпатией. Особенно нравилось ему, что у хомячка симпатичная морда лица.

Проснулся Семенов от громкого плача Ирины. Он включил бра над кроватью и ошалело посмотрел на будильник: было без десяти два. В дверях мелькнул халат жены. Почти спеша, Семенов устремился за ней, на ходу раздражаясь из-за прерванного ночного покоя, который подарил ему волнующее эротическое сновидение.

Дочка сидела на пороге своей комнаты, уткнув лицо в поднятые колени, и рыдала. В полуметре от нее лежал хомячок. Он был мертв. Тамара, присев рядом, гладила вздрагивающие плечи дочери и пыталась прижать ее к себе. Ирина не давалась.

— Что стряслось? — буднично спросил Семенов, будто в упор не видел трупик животного.

— Иришка пошла в туалет и в темноте наступила, — объяснила Тамара.

— Это все из-за вас, — внезапно заговорила дочь. — Он почувствовал, что вам не понравился, и убежал. И я тоже почувствовала.

Супруги переглянулись: Тамара, словно извиняясь, пожала плечами, Семенов многозначительно выпятил губы. Оба понимали, что надо что-то делать. Или, по крайней мере, что-то говорить.

— Ирочка, солнышко мое, не говори глупостей, — начал было Семенов, но Ирина заплакала сильнее и сама прижалась к матери, обхватив ее за талию.

Семенов посмотрел на жену. У нее в глазах стояли слезы, еще немного — и побегут по щекам. И Семенов почувствовал себя лишним. Ему очень хотелось присоединиться к ним, но гибель хомячка не казалось ему таким горем, из-за которого глаза мужчины могут стать влажными. Может быть, просто присесть и крепко обнять обеих? Но станет ли это продолжением той лжи, когда за правильными словами пряталось неприятие?

Тамара тоже заплакала.

И чего они так убиваются? Хомяк был симпатичный, спору нет. Но его естественная смерть была не за горами. Хомяки живут всего года два. Все равно пришлось бы скоро хоронить. В чем причина? Что же делать? И тут, словно по наитию, Семенов перестал думать. И на него, как лавина, обрушились боль и безысходность потери чего-то очень дорогого. Как будто он подключился к дочери невидимыми рецепторами и познал то, что она сейчас чувствует. Неожиданно вспомнился случай, когда они с Тамарой стали свидетелями, как под большое колесо остановившегося на перекрестке на красный свет самосвала прыгнул воробей. Включился «зеленый», самосвал тронулся с места, и раздался хлопок. Тело маленькой птички лопнуло как шарик.

Семенов давно забыл этот случай. Но тогда такая нелепая и грубо натуралистическая гибель воробья его потрясла. Он сам ощутил себя неким воробьем, который может в любой момент попасть под какой-нибудь небесный КамАЗ. И сейчас то ощущение вернулось и наложилось на происходящее.

И Семенов очень остро ощутил, как им горько, как они несчастны. И присел, и обнял своих женщин без толики лжи.

* * *

Хомячка похоронили через полчаса за домом у ограды детского сада. Ходили всей семьей. Семенов сначала предлагал отложить погребение до утра, но Ира сказала, что не сможет спать, если в доме будет мертвый хомячок. Затем хотел оставить дочку дома, чтобы лишний раз не травмировать, но Тамара сказала — пусть идет. Так что пошли все.

Закапывая невезучего хомяка, Семенов не мог отделаться от ощущения, что в нем находится словно два человека. Один привлечен к процедуре не более чем в качестве кладбищенского рабочего, чье дело ограничивается формулой «вырыл яму — засыпал яму» и не накладывает никаких дополнительных обязательств. А другой — какой-то почти незнакомец, сочувствующий и сопереживающий даже такой малости, как смерть хомячка. Малости, с точки зрения, конечно, глобального бала смерти на Земле, уносящей в своем вальсе несколько десятков миллионов человек в год. И этот второй человек очень хотел жить и действовать.

Дома Ирину уложили в постель и, дождавшись, пока она успокоится, отправились к себе. Семенов забрался под одеяло и закрыл глаза, надеясь быстро уснуть, и услышал голос жены:

— Ты знаешь, она очень переживает.

Он повернул голову. Тамара сидела на кровати спиной к нему.

— Знаю.
— Ты не знаешь, ты думаешь, что она переживает.

— Нет, я знаю.

— Откуда ты можешь знать?

— Просто знаю, и все. Ложись спать.

— Спи, я скоро приду.

— Куда ты собралась?

— Иришку успокою, она снова плачет.

— Вроде ничего не слышно.

— Она в подушку, — Тамара как-то странно взглянула на него и встала, надевая халат.

Семенов перебрал тело на половину кровати жены, поймал Тамару за талию и, прижавшись к ее животу щекой, забормотал:

— Постой, я сам пойду. А ты ложись. Я сегодня отдохнул, а ты работала. И еще я сильный, я защитник, я справлюсь. Ложись, родная, доверься мне.

Тамара постояла немного и тяжело присела рядом с ним.

— Ладно, — сказала она, — иди. Я женщина слабая, опять разревусь.

— Вот и хорошо.

Семенов поцеловал жену, погладил ее плечи, поднялся и пошел к Ирине. Ему очень хотелось самому побыть с дочерью, самому ее успокоить, самому сказать что-то действительно правильное и мудрое. А может быть, даже завтра купить ей хомячка. Купить им всем хомячка.

□

Александр Владимирович ВОРОНИН

родился 3 апреля 1961 года

в г. Гатчине Ленинградской области.

До 1989 года кадровый военный.

С 1991 года живет в Карелии.

Поэт, прозаик, публицист. Автор трех книг стихов

Рассказы публиковались

в журналах «Север», «Порог» (Кировоград), «Carelia».

Член Союза российских писателей.

